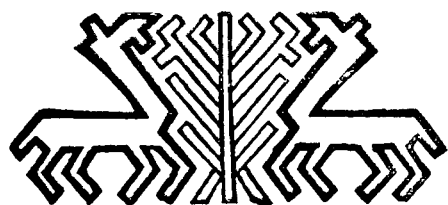

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 14.VII 1950 г.	Печ. листов $15\frac{1}{2}+2$ вклейки.	Заказ 148
Т-03491	Уч.-изд. листов 26,0	Тираж 2600 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

М. Г. ЛЕВИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

(К проблеме этногенеза народов Северной Азии)

Современные этнические группы сформировались в результате сложных исторических процессов, в которых отразились как общие внутренние закономерности развития отдельных человеческих коллективов, так и разнообразные взаимные влияния, смешения, перемещения различных этнических образований.

Это положение, опирающееся на сталинское учение о нации, является исходным при решении вопросов этногенеза. Изучение этих сложных вопросов требует разнообразных приемов исследования, привлечения различных материалов — исторических, этнографических, лингвистических, археологических, антропологических. Значение различных категорий источников в каждом отдельном случае при изучении того или другого этапа формирования народа неодинаково. Естественно, что роль археологических материалов, например, возрастает по мере того, как мы углубляемся в далекое прошлое, но правильное разрешение любых вопросов этногенеза требует комплексного подхода, сочетания различных материалов¹.

Каково значение и область использования антропологических материалов в этом комплексе?

Исходным положением советской антропологии является бесспорный тезис об отсутствии какой-либо внутренней причинной связи между языком, культурой, уровнем общественного развития народа, с одной стороны, и его расовым типом, с другой. Как отдельные антропологические признаки, так и их комплексы — антропологические типы — абсолютно безразличны для направления исторического процесса, непосредственно не связаны с формой и содержанием культуры. Сложение этнических, языковых и культурных общностей причинно не связано с формированием определенных антропологических типов; современные народы и языки складывались, как правило, на расово разнородной основе; одни и те же антропологические типы входят в состав различных языковых и этнических групп.

Но было бы принципиально ошибочно делать отсюда вывод о непричастности антропологических исследований к решению исторических по своему существу вопросов этногенеза. Напротив, в работах советских антропологов эти исследования впервые получили подлинно научное обоснование и привели к решению многих важных этногенетических проблем².

¹ См. С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Советская этнография», 1947, № 4; А. Д. Удадьцов, Теоретические основы этногенетических исследований, Сборник «Советская этнография», VI—VII, 1947; С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Советская этнография», 1949, № 2.

² См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии, н. с., т. IV, 1948; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, Труды Института этнографии, т. VII, 1949; Н. Н. Чебоксаров, Этногенез Коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2; его же, К вопросу о происхождении китайцев, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 30, и др.

Каковы же методологические основы и методические приемы этих исследований?

Исходя из положения, что не антропологические, не расовые особенности отдельных человеческих групп определяли их размещение на земном шару, их переселения и скрещения на протяжении их истории мы не можем вместе с тем забывать, что формирование определенных антропологических типов протекало на определенных территориях. Не только для таких крупных делений антропологической систематики как монголоидная, европеоидная и негроидная расы, мы устанавливаем области их первоначального формирования, но и более дробные единицы антропологической классификации — группы типов, отдельные антропологические типы — складывались в конкретные эпохи на определенных территориях. Но и этнические, языковые, культурные общности тоже связаны со своей стороны с определенной территорией. Территории сложения антропологических типов, с одной стороны, языковые этнических и культурных общностей, с другой, — как правило, в своих границах не совпадали друг с другом; процессы их сложения внутренне никак не связаны, но общность территории в той или иной степени все же «является связующим звеном между единицами антропологической и этнографической систематики»³. Так может устанавливаться лишенная внутренней причинной зависимости известная эмпирическая связь между определенными антропологическими типами и этническими образованиями. Но если этническая общность и может способствовать в какой-то степени формированию определенного антропологического типа, то, с другой стороны, в ходе языковых и культурных сближений между человеческими коллективами идет процесс все большего смешения антропологических типов, стирания их прежних границ и образования новых типов, новых границ. Конечно, эти диалектически противоречивые процессы в формировании антропологических типов усложняют нашу задачу использования антропологических данных в качестве исторического источника, но отнюдь не снимают, не устраняют ее.

Проследившая распространение антропологических типов в составе различных современных этнических групп, сопоставляя их, при наличии палеоантропологических материалов, с антропологическими типами предшествующих эпох и учитывая закономерности изменчивости антропологических признаков во времени, антрополог с достаточной определенностью часто отвечает на столь существенные вопросы, как вопрос об автохтонном развитии или пришлое происхождение рассматриваемых групп, о направлении имевших место переселений, о характере скрещивания различных типов. Направление и интенсивность этих скрещиваний определяются всегда социально-экономическими факторами, которые лежат в основе географического размещения населения и перемещения человеческих групп.

Если оставить в стороне вопрос о факторах расообразования человека на ранних этапах первоначального заселения эйкумены и рассматривать процессы сложения современных антропологических типов внутри основных больших рас, то для них характерна полная независимость от условий географической среды, абсолютная нейтральность того или другого антропологического признака для его географического распределения. Поэтому сложение того или другого антропологического типа, т. е. комплекса функционально не связанных между собой признаков, предполагает определенную историческую общность их носителей и возможно было только в результате длительных взаимных брачных связей внутри определенных человеческих коллективов, которые в силу тех или иных условий были менее связаны с другими группами, где складывался иной антропологический тип.

³ Г. Ф. Дебец, Указ. раб., стр. 325.

В условиях низкого уровня развития производительных сил у народов Сибири, обусловивших сравнительную малочисленность отдельных этнических групп, их крайне редкое расселение по огромным пространствам тайги и тундры, процессы смешения различных групп протекали менее интенсивно, чем в более южных степных областях Азии. Это определяет особо выгодные возможности для использования антропологических данных в этногенетических исследованиях.

* * *

В составе коренного дорусского населения Сибири можно выделить ряд антропологических типов, исторически сложившихся на определенных территориях и входящих в различные этнические группы. В целом это население характеризуется преобладанием монголоидных антропологических признаков и антропологически относится к различным вариантам монголоидной большой расы. Наиболее выражено монголоидный комплекс выступает среди народов Средней и Восточной Сибири. У различных народов к западу от Енисея отмечается заметное ослабление монголоидных особенностей главным образом за счет древней европеоидной примеси. К востоку от Енисея примесь немонголоидных типов вновь выступает на Тихоокеанском побережье, но здесь она имеет иное происхождение и связана с древним населением Юго-восточной Азии и островов Тихого океана.

Антропологические исследования Института этнографии Академии Наук СССР, проведенные в последние годы в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, а также новые материалы советских антропологов по населению сопредельных стран позволяют по-новому осветить некоторые вопросы систематики и генезиса отдельных антропологических типов и привлечь данные антропологии для освещения ряда проблем этногенеза народов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Тунгусские народы

Известно, что тунгусские народности Сибири лингвистически объединяются вместе с маньчжурскими народами в одну группу, характеризующуюся рядом общих черт в грамматике и словаре. Этот факт явился основанием для распространенного взгляда о южном происхождении тунгусов. Этот взгляд, восходящий еще к авторам прошлого века, нашел, как известно, своих защитников в лице С. М. Широкогорова, В. Конперса, Ф. Флора и других представителей реакционной так называемой венской католической школы, которые попытались подвести под теорию южного происхождения тунгусов этнографическую и антропологическую базу. Антропологические данные, которыми оперирует Широкогородов, выделяющий в составе китайцев тип «гамма» и считающий его характерным для тунгусов, и с фактической и методической стороны настолько не обоснованы, что не заслуживают специального разбора. Столь же несостоятельна и этнографическая аргументация происхождения тунгусов из Северного Китая, развиваемая указанными авторами.

Выступивший с исчерпывающей критикой этой концепции А. П. Окладников⁴ на археологическом материале убедительно показал глубокие сибирские корни тунгусской культуры и преемственность многих ее элементов с энеолитической и даже более ранней культурой Прибайкалья.

⁴ См. статью А. П. Окладникова «К изучению начальных этапов формирования народов Сибири» в настоящем номере журнала; его же, Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», вып. IX, 1941.

Эта преемственность прослеживается в характерной для эвенков рас-
пашной одежде с нагрудником, типе головного убора, характере укра-
шений, которые имеют свои параллели в энеолитических памятниках
Прибайкалья, в хозяйстве, хозяйственно-бытовом инвентаре (чум, лод-
ки-берестянки, костяные рыбки-приманки), в прямолинейном геометри-
ческом орнаменте и других элементах культуры. «Следует признать,—
пишет Окладников,— что основные черты того этнографического ком-
плекса, который характерен для тунгусского населения Прибайкалья,
и их антропологический тип уже почти полностью были представлены
в пределах этой территории в глазовское время, т. е. около трех-
четырёх тысяч лет тому назад (примерно 1700—1300 гг. до н. э.)»⁵

Как ни важны приводимые А. П. Окладниковым данные для пони-
мания этногенеза тунгусов, они, однако, не исчерпывают всей этой
проблемы. Сложение тунгусов — более сложный процесс, который не
может быть сведен только к компоненту, восходящему к неолиту При-
байкалья. Собранный советскими антропологами материал позволяет
подойти к разрешению этой проблемы на основе новых фактических
данных. Основное значение этих данных — установление неоднородно-
сти тунгусских групп в антропологическом отношении.

Работами Я. Я. Рогинского⁶ и Г. Ф. Дебеца⁷ было показано распро-
странение среди тунгусских народов антропологического типа, описанно-
го в литературе под именем палеосибирского или байкальского. Этот
тип характеризуется следующими признаками: прямые, но сравнительно
мягкие волосы; светлая, по монголоидному масштабу, кожа; значи-
тельный процент глаз смешанных оттенков; темные, но без характерного
для многих монголоидных групп иссиня-черного оттенка волосы; силь-
ное развитие эпикантуса, очень слабый рост бороды. Лицо очень высо-
кое, широкое и плоское, с очень сильно выступающими вперед скулами.
Лоб наклонный. Переносье очень низкое, нос слабо выступающий, с пря-
мой и часто вогнутой спинкой, поднятым кончиком. Губы тонкие, верх-
няя губа очень высокая, прохейличная. Рост низкий (ниже 160 см).
Краниологически этот тип характеризуется малой высотой черепа.

Характерными представителями байкальского антропологического
типа справедливо считаются эвенки Северного Прибайкалья, исследован-
ные в 1927 г. Я. Я. Рогинским при участии автора настоящей статьи⁸.
Однако не в меньшей степени байкальский тип характерен для ламутов
различных районов их расселения⁹ и, повидимому, для юкагиров, к со-
жалению, недостаточно изученных в антропологическом отношении¹⁰.
Преобладание байкальского типа среди ламутов и юкагиров находит
себе подтверждение на краниологическом материале¹¹. В качестве одного
из компонентов байкальский тип входит в состав якутов, для которых
как мы увидим ниже, характерен, однако, другой антропологический
тип. Недавние антропологические исследования на Амуре и Сахалине
позволили расширить область распространения байкальского типа. Ука-
занный выше комплекс признаков оказывается характерным для орско-

⁵ А. П. Окладников, К изучению начальных этапов формирования народов Сибири, стр. 23.

⁶ Я. Я. Рогинский, Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья, «Антропол. журн.», 1934, № 3.

⁷ Г. Ф. Дебец, Антропологическое изучение Советского Севера, Журн. «Советский Север», 1934, № 6, стр. 64—66, 72.

⁸ Я. Я. Рогинский, Указ. раб.

⁹ М. Г. Левин, Антропологические типы Охотского побережья, Труды Института этнографии, Новая серия, т. II, 1947; Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования на Камчатке, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. V, 1949.

Я. Я. Рогинский, Указ. раб.

¹⁰ Г. Ф. Дебец, Антропологическое изучение Советского Севера, стр. 69.

¹¹ Неопубликованные краниологические исследования Г. Ф. Дебеца.

Сахалина, негидальцев, отчасти ульчей и нанайцев (гольдов)¹². Ороки и негидальцы отличаются в своем физическом типе от ламутов в основном только брахицефалией и должны рассматриваться как характерные представители того же байкальского типа (в его брахицефальном варианте).

Байкальский тип давно уже считается сходным с основным типом неолитического населения Прибайкалья. Г. Ф. Дебеч¹³ и Я. Я. Рогинский¹⁴ указали на очень большое сходство палеосибирского типа прибайкальского неолита с типом современных эвенков Северного Прибайкалья.

Многолетние исследования А. П. Окладникова позволили ему установить существование в неолитическое и энеолитическое время (IV—начало II тысячелетия до нашей эры) в лесной и тундровой зонах Сибири нескольких различных хозяйственно-культурных областей, каждая из которых характеризуется особым направлением хозяйства, своеобразием всего культурного комплекса. В пределах этих областей в течение длительного времени протекало развитие культуры местного населения, развитие, в котором связи между отдельными областями, конечно, играли известную роль. На рассматриваемой нами территории, не включающей западносибирскую хозяйственно-культурную область бассейнов Оби и Иртыша, А. П. Окладников выделяет следующие области, границы которых могут быть в настоящее время намечены лишь в общих контурах: 1) прибайкальская — от восточного берега Байкала до Енисея — охватывает верхнее течение Лены и долину Ангара; 2) южноякутская — среднее течение Лены, бассейны Алдана, Вилюя; 3) североякутская — нижнее течение Лены, бассейны Яны, Индигирки, Колымы¹⁵.

В культуре указанных трех областей отмечается известное сходство, определяемое в значительной степени общим направлением хозяйства, синтетически сочетавшего охоту и рыболовство и связанного с относительно подвижным образом жизни неолитических насельников этих областей. Учитывая это сходство и возможные пути древнего расселения племен вдоль водных артерий, мы можем высказать предположение о принадлежности древнего населения южно- и североякутской хозяйственно-культурных областей также в основном к палеосибирскому типу. В пользу этого говорит и современное распространение байкальского типа.

Выше уже указывалось, что ламуты, исследованные в разных районах их расселения, характеризуются сравнительно однородными антропологическими чертами, позволяющими видеть в них «классических» представителей байкальского типа. Древний этап этногенеза ламутов, в свете данных этнографии и лингвистики, рисуется как результат взаимодействия тунгусов с юкагирами¹⁶ — древними насельниками очень обширной территории не только бассейна Лены, но и областей к западу и востоку от него. Для юкагиров также характерен байкальский тип. Следовательно, по своему антропологическому типу неолитическое население Прибайкалья может в равной степени рассматриваться и как предки юкагиров.

¹² М. Г. Левин, Антропологические исследования на Амуре и Сахалине, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. V, 1949.

¹³ Г. Ф. Дебеч, Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита, «Русский антропол. журн.», 1930, № 1—2; его же, Палеоантропология СССР, 1948, стр. 56—61.

¹⁴ Я. Я. Рогинский, Указ. раб.

¹⁵ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, 1941, а также устное сообщение.

¹⁶ Г. М. Василевич, Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. I, 1946.

Самобытная культура последних испытала на себе, как известно, сильное влияние тунгусов, но имеющиеся материалы указывают, что многие элементы культуры, характерные для северных тунгусов, восходят именно к древнему юкагирскому комплексу.

Продвижение ламутов на Крайний Восток, проникновение их в северную часть Охотского побережья, Чукотский полуостров и Камчатку — явления очень недавние. Формирование их протекало в более ранних территориях Северной Сибири — области их прежнего расселения.

Эвенки на огромном пространстве их расселения — от Енисея на запад до Охотского побережья на востоке — антропологически изучены крайне недостаточно. Но и имеющиеся материалы позволяют судить об их неоднородности в антропологическом отношении. Байкальский тип впервые подробно описанный на эвенках Северного Прибайкалья, не может считаться характерным для всех эвенкийских групп. Так, группа эвенков Аяно-Майского района на Охотском побережье по многим признакам значительно отличается от эвенков Прибайкалья (у эвенков Охотского побережья по сравнению с ламутами отмечено ослабление эпикантуса, повышение переносья, больший процент выпуклых спинного носа, более высокий рост)¹⁷.

В старой работе И. И. Майнова¹⁸ по антропологии эвенков среди них выделяются два типа, условно обозначенные автором как северный и южный. Характеристика северного типа в общем совпадает с характеристикой байкальского типа; южный же тип характеризуется, по Майнову, значительно более темной пигментацией, менее плоским лицом, более высоким ростом, более высоким головным указателем. Черты этого «южного» типа обнаруживают, по видимому, и эвенки Забайкалья¹⁹. Как отрывочны имеющиеся у нас данные, они позволяют все же выделить среди эвенков два типа.

«Южный» тип эвенков оказывается весьма сходным с типом, распространенным среди монгольских и отчасти тюркских народностей Центральной Азии. А. И. Ярхо описал этот тип под наименованием центральноазиатского. В свете новых данных характеристика этого типа должна быть несколько уточнена. Кемчикские тувинцы, которых Ярхо рассматривал как характерных представителей центральноазиатского типа, представляют собой его локальную форму. Тип в целом должен быть охарактеризован следующими чертами: прямые и умеренно тугие волосы, более темная по сравнению с байкальским типом окраска кожи, глаз, волос, сильное развитие эпикантуса; рост бороды по общему масштабу слабый, но по сравнению с байкальским типом заметно сильнее. Лицо очень высокое, широкое, но менее уплощенное, чем у байкальского типа. Нос со сравнительно высоким переносьем, с прямой и часто выпуклой спинкой. Губы средней толщины. Рост ниже среднего (162–164 см). Краниологически этот тип характеризуется по сравнению с байкальским более высоким черепом. Голова мезокефальная, по абсолютным размерам очень длинная и широкая.

Перечисленный комплекс антропологических признаков характерен в целом для якутов, для бурят, северных монголов и, по видимому, для южных эвенков²⁰.

Прослеживаемый в археологических материалах Прибайкалья комплекс составляет лишь один из компонентов их этногенеза. Другой компонент, если исходить из данных антропологии — наличия в состав

¹⁷ М. Г. Левин, Антропологические типы Охотского побережья, стр. 91.

¹⁸ И. И. Майнов, Два типа тунгусов, «Русский антропол. журн.», 1901, № 2.

¹⁹ Ю. Д. Талько-Гринцевич, Иройские хамнеганы, Труды Троицкосавского-Кяхтинского отдел. Русск. географич. об-ва, т. VII, вып. 3, 1904.

²⁰ М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. III, 1947.

эвенков центральноазиатского типа, связан своим формированием с более южной территорией. Вхождение этого компонента в качестве основного в состав бурят, якутов, северных монголов хорошо согласуется с устанавливаемой лингвистами известной близостью тунгусских языков с тюркскими и монгольскими.

Якуты

Вопросу об этногенезе якутов посвящена очень обширная литература. Еще в XVIII в. был высказан взгляд о южном происхождении якутов. Большинство авторов связывает предков якутов с Прибайкальем. Такое мнение высказывалось Радловым, Петри, Огородниковым, Козьминым и др. Ряд исследователей (Серошевский, Аристов) видели первоначальную родину якутов в Минусинском крае, другие — даже в Средней Азии. Предков якутов искали среди различных древних народов: саков, хуннов, уйгуров, курыканов и многих других. Эти различные теории базируются на анализе этнонимов, данных языка, почерпнутых из китайских и других исторических источников сведений о географическом размещении отдельных народов. Следует согласиться с С. А. Токаревым, что все попытки такого отождествления основывались на отрывочных и поэтому недостаточно убедительных данных²¹.

В свете недавних работ советских исследователей теория южного происхождения якутов получает новое освещение. С. А. Токарев показал наличие в культуре якутов наряду с элементами бесспорно южного происхождения также и многих местных севернотаежных черт и аргументировал положение о сложном скрещенном происхождении якутского народа²². Замечательные археологические исследования А. П. Окладникова в Якутии позволили ему очень ярко восстановить сложную картину формирования якутского народа в бассейне Средней Лены. В культуре якутов А. П. Окладников также выделяет северный пласт, связанный с культурой не только оленеводческих племен тайги, но и доолeneводческого населения этой территории. Эти древние племена были поглощены группами южного происхождения, принесшими на Среднюю Лену высокую материальную культуру, скотоводство, элементы социальных отношений классового общества и тюркскую речь. Эта древнейшая тюркская волна, как устанавливает Окладников на основании исследованных им археологических памятников и надписей рунического облика в долине Лены, появилась на Средней Лене из Прибайкалья, где в первом тысячелетии нашей эры были расселены тюрки-курыканы, известные нам в этой области по китайским источникам. Но в составе якутов прослеживаются и более поздние (вплоть до XVI в.) переселенцы с верховьев Лены²³.

Наличие в составе якутов и бурят элементов общего происхождения отмечалось С. А. Токаревым и в последнее время на основании архивных материалов поддерживается Б. О. Долгих²⁴ (Коринская волость, Хоринский род, Хоринские наслеги — у якутов и бурятское племя — хори др.).

Что дает нам антропология для решения вопросов якутского этногенеза? Уже В. Л. Серошевский на основании, правда, только общего

²¹ С. А. Токарев, Происхождение якутской народности, «Краткие сообщения ИИМК», вып. IX, 1941.

²² С. А. Токарев, там же; его же, Общественный строй якутов XVII — XVIII вв., Якутск, 1945, стр. 224—230.

²³ А. П. Окладников, Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943 стр. 54—75; его же, Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству, История Якутии, т. I, Якутск, 1949, стр. 218—387; его же, Происхождение якутской народности. Тезисы доклада на Втором всесоюзном географическом съезде, Секция этнографии и антропологии, Изд-во АН СССР, 1947.

²⁴ Устное сообщение.

впечатления указывал на антропологическую неоднородность якутов. В конце прошлого столетия антропологическое обследование в горах Якутске и в центральной части Якутского округа производил Н. Л. Геккер²⁶. Геккер, как и И. И. Майнов, опубликовавший работу по антропологии якутов по материалам Геккера²⁷, указывают на наличие среди якутов двух типов: одного более скуластого и плосконого и другого «горбоногого и длиннолицего». Однако методика сбора и обработки антропологических материалов в этих старых работах не позволяла использовать их данные в должной мере.

На основании краниологического исследования А. Н. Юзefович подтвердил выделение среди якутов двух типов. Один из них Юзefович считает схожим с типом эвенков Северного Прибайкалья, краниологически описанным Я. Я. Рогиным, другой — сближается им с типом бурят-калмыков, торгоутов²⁸.

Специальное антропологическое исследование якутов, проведенное нами в 1945 г.²⁹, позволило заключить, что преобладающим среди якутов антропологическим типом является тот, который был выше описан как центральноазиатский³⁰. Преобладание этого типа, как указывалось также среди бурят, северных монголов и, повидимому, южных эвенков, указывает на возможную область его формирования.

Нам представляется очень вероятной его связь с типом населения позднего железного века Прибайкалья, известным нам по материалам Г. Ф. Дебеца, изучившего черепа этого времени из погребений у с. Туни в среднем течении реки Иркуты³¹. Наряду с центральноазиатским типом в составе якутов выступает и другой компонент, соответствующий всем данным байкальскому типу. Современное распространение центральноазиатского типа среди якутского населения бассейна Лены должно быть связано с теми переселениями предков якутов из более южных районов их первоначального расселения, которые подробно прослежены на археологических материалах А. П. Окладниковым. В процессе этих переселений и произошло смешение более древнего в бассейне Лены байкальского типа с центральноазиатским типом. Вопрос об удельном весе указанных типов в исходных группах древнего населения не может решаться только на основании антропологических данных по современному населению. Здесь необходимо учитывать различную динамику прироста населения у разных автохтонных и пришлых групп, вошедших в состав якутского народа. Решение этого, как и ряд других вопросов антропологии якутов, требует привлечения палеоантропологических материалов, которые пока на территории Якутии полностью отсутствуют.

Этногенетические проблемы на северо-востоке Азии

Центральным вопросом в этом сложном клубке этнографических проблем является вопрос о происхождении эскимосов. Со времени исследований В. Богоразы и В. Йохельсона³² в литературе, посвященной этни-

²⁵ В. Л. Серошевский, Якуты, 1896, стр. 237—247.

²⁶ Н. Л. Геккер, К характеристике физического типа якутов, Записки Восточного Сибирского отдела Географического общества, т. III, вып. I, Иркутск, 1896.

²⁷ И. И. Майнов, Якуты (по материалам Н. Л. Геккера), «Русский антропологический журнал», 1902, № 4, стр. 38—40. Материалы этой работы в основном повторены Майновым в его статье «Население Якутии», Сборник «Якутия», 1927.

²⁸ А. Н. Юзefович, Два типа якутских черепов, «Антропологический журнал», 1937, № 2.

²⁹ М. Г. Левин, Антропологический тип якутов.

³⁰ Это исследование послужило и для уточнения характеристики центральноазиатского типа, принятой в прежних работах.

³¹ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 199—203.

³² Список литературы и более подробное изложение взглядов Богоразы и Йохельсона см. в нашей работе «Краниологические типы чукчей и эскимосов (в связи с

ческим и антропологическим взаимоотношениям Северо-восточной Азии и Северо-западной Америки, господствует теория, согласно которой эскимосы являются сравнительно недавними пришельцами в области Берингова моря, разделившими в прошлом тесно связанные между собой племена по обоим берегам Берингова пролива. Эта теория «эскимосского клина», основывавшаяся на данных материальной культуры, культа и мифологии, была подвергнута в нашей литературе серьезной критике. А. М. Золотарев³³ привел убедительные данные в пользу того, что современная культура чукчей развилась на основе «древнеэскимосской» культуры, которая была в прошлом распространена на Чукотском полуострове и характеризуется на основании исторических, археологических и этнографических данных доминирующей ролью в хозяйстве морского промысла, полуподземными жилищами со стенами из китовых ребер, употреблением орудий древнеэскимосского типа и некоторыми другими чертами. Древнее население Чукотского полуострова не знало оленеводства. Возникновение оленеводства обусловило формирование современной чукотской (и корякской) культуры и поглощение образовавшимися чукотскими племенами древнего эскимосского населения. Согласно излагаемой концепции, эскимосы — не клин, отделивший чукчей от индейцев, а потомки того древнего населения, которое вошло в состав современных чукчей. Археологические материалы отнюдь не противоречат указанной концепции.

Хотя человек на путях первоначального заселения Америки, несомненно, проник на Чукотский полуостров не позднее мезолита, древнейшие из известных до сих пор на этой территории археологические находки датируются значительно более поздним временем — не ранее первых веков до нашей эры. В эту эпоху побережье Чукотского полуострова было заселено оседлыми охотниками за морским зверем — носителями так называемой берингоморской культуры. В глубине полуострова в это и, повидимому, в еще более раннее время существовала культура континентальных охотников, связанная с культурой более западных районов Сибири. На археологическом материале можно проследить проникновение культурных элементов континентального происхождения в культуру приморских охотников берингоморского облика на более поздних этапах³⁴.

Древние культуры Камчатки изучены еще, к сожалению, очень слабо, и пока можно лишь провизорно указать на связь древних культур Камчатки с культурами бассейна Лены, с одной стороны, с другой, — с культурой Амурской области, которая, судя по немногим материалам с Охотского побережья, проникала здесь далеко на север³⁵.

Наиболее характерным для Северо-восточной Азии антропологическим типом является эскимосский³⁶. Он характеризуется подробно описанным в литературе комплексом признаков: волосы прямые и тугие (по степени жесткости волос превосходит все вышеописанные типы),

вопросами этногенеза Северо-восточной Азии)», Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. X, 1949, стр. 301—302.

³³ А. М. Золотарев, Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии, Известия Воронежского гос. пед. института, т. IV, 1938.

³⁴ См. С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, Изд-во Главсевморпути, 1947. Рецензия на эту работу М. Г. Левина, «Советская этнография», 1949, № 1.

³⁵ С. И. Руденко, Культура доисторического населения Камчатки, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 179; библиографию см. В. В. Антропова, К истории археологического изучения Камчатки, Сборник Музея антропологии и этнографии, вып. XI, 1949.

³⁶ Следует избегать употребления этнических названий для обозначения антропологических типов, однако по отношению к рассматриваемому типу, который можно было бы назвать северо-восточным, мы сохраняем термин «эскимосский», как прочно вошедший в литературу.

кожа смуглая, глаза темные, почти без примеси смешанных оттенков; волосы иссиня-черного оттенка; слабое, по монголоидному масштабу развитие эпикантуса, повышенный по сравнению с сибирскими монголами рост бороды. Лицо очень высокое, широкое, но менее плоское, чем у байкальского типа. Переносье сравнительно высокое, нос хорошо очерченный, с прямой и часто выпуклой спинкой; губы сравнительно толстые, повидимому, все же несколько тоньше, чем у сахалино-амурского типа (см. ниже). Рост 162—163 см.

Этот тип характерен для эскимосов и в значительной степени для береговых чукчей и коряков, а также ительменов³⁷.

Эскимосский тип, насколько мы можем судить по имеющимся данным, является древним на рассматриваемой территории и лежит в основе формирования антропологического типа как эскимосов, так чукчей и коряков, а также, повидимому, и ительменов. У последних, кроме заведомо поздней русской примеси, можно предположить наличие некоторых айских элементов.

Палеоантропологические материалы, к сожалению, пока еще очень скудные, указывают на наличие выраженных признаков эскимосского краниологического типа в населении области Берингова пролива в берингоморское время. Тип этот отличается от современного типа азиатских эскимосов в основном только более низким головным указателем³⁸.

Центральный вопрос антропологии эскимосов сводится к выяснению хронологического соотношения (относительного возраста на северо-восточном побережье) эскимосского типа и того второго компонента в составе чукчей и коряков, который преобладает среди оленных групп и входит также в состав береговых чукчей, коряков и ительменов. Г. Ф. Дебец выделяет этот второй тип под названием «камчатского». От эскимосского типа он отличается в следующих основных признаках: волосы менее жесткие, чем у эскимосского типа, пигментация несколько светлее, эпикантус и складка века развиты сильнее, борода, напротив, растёт слабее; переносье ниже, поперечный профиль спинки носа плосче; губы несколько меньше. По всем указанным признакам камчатский тип отличается от эскимосского в сторону приближения к байкальскому. Но по ряду других признаков камчатский тип, как указывает Г. Ф. Дебец, не занимает такого промежуточного положения, отличаясь как от эскимосского, так и от байкальского. Сюда относится сравнительно небольшая высота лица, меньшая его ширина, большая ширина нижней челюсти; характерны особенности носа: высокий указатель, поперечное расположение ноздрей и сильное выступание крыльев. Г. Ф. Дебец склонен сближать по указанным признакам (комбинация широкого носа с небольшими размерами лица) камчатский тип с южными монголоидными типами³⁹. Древнее проникновение на Чукотский полуостров и Камчатку антропологических элементов южного происхождения представляется вполне вероятным. На южные по своему облику элементы в древних культурах Берингова моря и Северо-западной Америки указывали многие авторы⁴⁰. Однако видеть в этих южных элементах сколько-нибудь существенный компонент в формировании антропологического типа чукчей и коряков, в том числе и оленных, у нас нет достаточных оснований.

³⁷ Г. Ф. Дебец, К антропологии чукчей, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. I, 1946; его же, К антропологии эскимосов, там же, вып. III, 1947; его же, Антропологические исследования на Камчатке.

³⁸ А. М. Золотарев, К вопросу о происхождении эскимосов, «Антропол. журн.», 1937, № 1; М. Г. Левин, К антропологии эскимосов, Сборник «Советская этнография», VI—VII, 1947.

³⁹ Г. Ф. Дебец, Антропологические исследования на Камчатке, «Краткие сообщения» Института этнографии, V, М., 1949.

⁴⁰ См. обширную библиографию в работе С. И. Руденко «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема».

В целом для чукчей и коряков характерен эскимосский тип. Краниологические материалы по эскимосам, береговым и оленным чукчам позволяют установить очень большое сходство всех трех групп между собой. Оленные чукчи отличаются от эскимосов по краниологическим данным разве лишь несколько меньшим выступанием носовых костей.

Таким образом, антропологические материалы, устанавливающие в целом большую близость эскимосов, береговых чукчей и в значительной степени коряков, свидетельствуют против теории «эскимосского клина». Формирование эскимосов, чукчей и коряков протекало в общем на единой основе. В составе оленных групп отмечаются континентальные элементы (скрещивание с носителями байкальского типа). Это не следует относить только за счет возможной, но сравнительно поздней примеси ламутов; проникновение континентальных элементов на побережье Берингова моря и Ледовитого океана датируется более ранним временем и может быть связано с «юкагирским» компонентом.

Этногенетические проблемы в Приамурье

Кроме трех отмеченных выше культурных областей неолитического времени, по материалам А. П. Окладникова выделяется еще четвертая хозяйственно-культурная область — амурская, охватывающая бассейн Амура, Приморье и Сахалин. Она резко отличается от байкальской и обеих якутских областей всем обликом культурного инвентаря и обнаруживает связи с более южными районами Восточной Азии.

Культура неолитических насельников Амура, Приморья и Сахалина — это культура оседлых рыболовов, развивавшаяся на этой территории в течение многих позднейших столетий⁴¹.

Палеоантропологическими материалами по амурской неолитической хозяйственно-культурной области мы, к сожалению, не располагаем. Можно только предполагать, что древнее «палеоазиатское» население этой территории, значительное соответствие культуры которого с культурой нивхов, ульчей и других народов Амура во многих деталях отмечено А. П. Окладниковым, — принадлежало к тому типу, который мы обозначили в современном населении как сахалино-амурский. Для этого типа намечается следующий характерный комплекс признаков: волосы прямые и тугие, кожа по сравнению с кожей предыдущих типов несколько более темной окраски, темная пигментация глаз и волос (процент иссиня-черных оттенков волос значительно выше, чем у центральноазиатского типа). Эпикантус развит сильно. Характерным признаком является сильное, по монголоидному масштабу, развитие бороды. Лицо очень высокое, широкое; по степени уплощенности лица (выступанию скул) сходен с центральноазиатским типом. Переносье низкое, заметно ниже, чем у центральноазиатского, но все же выше, чем у байкальского типа. Нос слабо выступающий, обычно с прямой спинкой. Губы сравнительно толстые. Верхняя губа очень высокая, прохейличная. Рост ниже среднего (160—161 см).

В наиболее выраженной степени сахалино-амурский антропологический тип представлен у нивхов сахалинских и амурских, но входит в качестве заметного компонента также в состав ульчей, возможно, орочей.

Выше отмечалась связь неолитической культуры Амура с более южными районами Восточной Азии. Точно так же некоторые черты сахалино-амурского антропологического типа обнаруживают явное тяготение к южным монголоидам (более темная пигментация, сравнительно большая толщина губ и некоторые другие признаки). В этом отношении очень существенны некоторые черты северного тяготения в антропологическом типе корейцев, сближающие их несколько с северными монголоидами,

⁴¹ А. П. Окладников, Неолитические памятники как источник по этногении Сибири и Дальнего Востока, стр. 12.

в первую очередь с населением Амура⁴². Очевидно, древние с Амура с Кореей шли в обоих направлениях и обусловили многие моменты сходства в неолитических культурах этих областей, отмеченные разными исследователями.

Современное распределение байкальского компонента среди народов Амура и Сахалина — его ясное преобладание в тунгусо-язычных группах — может служить указанием на более позднее по сравнению с сахалино-амурским типом появление байкальского типа на рассматриваемой территории.

Скрещением сахалино-амурского и байкальского типов не может быть, однако, целиком объяснено распределение антропологических признаков среди современных народностей Амура и Сахалина. Антропологические данные указывают на участие в формировании и другого компонента — айнского, который особенно отчетливо выступает среди нивхов, преимущественно амурских, и ульчей.

Нивхи, у которых сахалино-амурский тип выражен наиболее отчетливо, выступают как представители того древнего «палеоазиатского» населения, которое до проникновения на Амур тунгусских элементов было, повидимому, распространено здесь значительно выше области временного расселения нивхов. Возможные связи этого древнего населения с Кореей были уже отмечены нами. Айнское влияние в антропологическом типе нивхов бесспорно, но время и пути проникновения айнских элементов к нивхам остаются пока неясными. Его не обязательно связывать с айнами Сахалина; возможны более древние связи «палеоазиатского» населения Амура с «айнскими» (в антропологическом смысле) южными элементами. Скрещенный характер ульчской культуры — сложение ее в основном, если исключить китайско-маньчжурское и позднее русское влияние, из сочетания более древних «палеоазиатских» и позднейших тунгусских элементов хорошо устанавливается по данным этнографии. С этим согласуется и антропологический тип ульчей, занимающий в общем промежуточное место между сахалино-амурским и байкальским типом. Негидальцы, характеризующиеся признаками байкальского типа и сохранившие в недавнем прошлом основные черты культуры и языковые особенности северных тунгусов, связаны по своему происхождению с более северными районами. То же должно сказать и в отношении ороков Сахалина. Эвенки на Сахалине являются очень недавними переселенцами. Время и пути проникновения на Сахалин ороков неясны. Ввиду недостаточности и противоречивости антропологических материалов по нанайцам (гольдам) мы оставляем их здесь вне рассмотрения.

Таковы некоторые выводы, которые можно пока сделать на основе антропологических материалов. Конечно, при крайне сложном родовом составе народов Амура, наличии в их составе различных по происхождению групп, принадлежавших к различным языковым общностям (тунгусские, маньчжурские, монгольские, наряду с древними палеоазиатскими) имеющиеся антропологические материалы могут дать лишь самые общие указания на процессы сложения отдельных народов. Детализация их — дело дальнейших исследований.

Наш общий очерк следует заключить указанием на необходимость дальнейших антропологических исследований в Сибири и особенно в восточных археологических исследованиях, которые несомненно дадут и столь недостающий нам палеоантропологический материал. Будущие исследования должны уточнить и, возможно, многое изменить в тех выводах, которые были продиктованы нам имеющимися материалами.

⁴² М. Г. Левин, Антропологический тип корейцев, «Краткие сообщения» Института этнографии, вып. VIII, М., 1949.